

Клубные встречи

Отгадайте задачку: "За годы советской власти советские писатели истратили на свои литературные произведения 120 тысяч тонн писчей бумаги. За эти же годы советские писатели истратили в три раза больше бумаги на доносы друг на друга. Сколько всего бумаги истратили советские писатели за годы советской власти?"
Ну, разумеется, столь саркастическую "противную" задачку мог сочинить только Григорий Остер, насмешник-просветитель, он и детишек наших уже много чему успел научить — своими книгами, пьесами, мультфильмами.

Григорий ОСТЕР:

— Когда вы объясняли мне по телефону дорогу к своему дому, то сделали это так: "Мимо бывшей "Юности" к винному магазину, в который из редакции бежали за выпивкой". Осмелюсь предположить, что в своей бывшей юности вы тоже этот путь проделывали — типичный путь молодого поэта.

— В "Юности" у меня за всю жизнь напечатали всего лишь один какой-то стишок, поэтому не могу сказать, что сильно много там тусовался. Но бывать приходилось...

— Вы ведь начинали как поэт "взрослый".

— Да, как "взрослый" поэт — пока сам еще не стал взрослым. А когда стал взрослым — начал писать для детей.

— **Растолкуйте такую перипетию: я знаю, что у вас книга "взрослых" стихов вышла в 1974 году в Мурманске, а еще вы были матросом. Тут ведь просматривается какая-то связь...**

— Я служил матросом на Северном флоте — три года срочной службы в Североморске. В 66-м меня призвали — сразу после 11-го класса школы. А призвался я из Ялты.

— **Хорошенький перепад.**

— Да, это казалось кошмарным делом для юного поэта из Крыма — служить за Полярным кругом. Однако Кольский залив — незамерзающий, ведь там недалеко Гольфстрим. И вот как-то так странно сложились обстоятельства, что политическая оттепель, которая существовала в 60-х, по всей стране кончилась, а в этих далеких местах, где все происходит позднее, она еще каким-то образом продолжалась. Культурная "власть" в Мурманске как бы принадлежала порядочным и талантливым людям — и в издательстве, и в газетах, и на радио, и на ТВ. И они меня приметили и попытались издать мою книгу. Но местный обком партии начал ее трепать, а потом просто запретил издавать. Вышла она только в 74-м.

— **Юный матросик на казарменном положении — и запросто контактирует с издательством в незнакомом городе?**

— А это очень просто, ведь о том, что я туда приехал, знали.

— **Слава шла впереди вас?**

— Я ведь в свое время был такой ялтинский достопримечательностью — что-то вроде Ласточкиного Гнезда. Когда мне было лет 13—15, я писал стихи, которые нравились взрослым. Был тогда такой журнал "РТ" — "Радио и телевидение". Потом его уничтожили. Яркий большой цветной журнал, в котором люди недолго печатали, что хотели. И там были подборки моих стихов.

— **Сами решились послать?**

— В Ялте я общался с более старшими товарищами, ялтинскими поэтами. Вдобавок Ялта — это был такой летний культурный центр московской элиты. И меня там знакомили с Андреем Вознесенским, с Виктором Платоновичем Некрасовым... Я был еще совсем мальчишкой — и сидел в ресторане в одной компании с Некрасовым, и все следили, чтобы мне водки не наливали. Паренек я был крепкий, и порой мне доводилось уставшего Виктора Платоновича нести на плече сквозь всю Ялту наверх в гору в дом творчества. Про ме-

ня знали, мои стихи увозили в Москву — и все же для меня появление на прилавке в Ялте журнала "РТ" с моими стихами было полной неожиданностью. Я очень гордился. И когда я приехал на Север, то про меня знали. Прибывал, допустим, на гастроли в Мурманск театр, и они знали, что вот там-то служит такой поэт Григорий Остер. Приезжали на выступление в часть, а потом моему командиру говорили: "Не обижайте его!". А командир приходил в ужас: что-нибудь не так сделаешь — скажут, что обидел молодой талант. А позволить мне как-то выделяться из остальных будет еще хуже, потому что отлучат старослужащие. Тогда "дедовщина" уже начиналась.

— **Как же разрешилась эта коллизия?**

— Через некоторое время меня решили вообще спасти от службы и направили в театр Краснознаменного Северного флота, где я в основном таскал декорации. Но месяца через два меня задержал патруль в городе, а у меня не было с собой увольнительной. Стал объяснять, что служу в театре Северного флота. А начальник гауптвахты перепутал и позвонил в драматический театр: "У вас служат матросы?". На что ему сказали, что у них матросы служат только в "Оптимистической трагедии". И он решил, что я его обманываю, дали мне сколько-то суток гауптвахты, а потом я уже не мог доказать, что был трезвый, и меня отправили обратно в часть. И вот тут командир, бедняга, уже совсем не знал, что ему со мной делать, я же был достаточно известной личностью, выступал по ТВ и радио, стихи мои публиковались, а с другой стороны, в местной газете писали, что я разложился. И с одной стороны, надо навести порядок и приструнить эту гнилую интеллигенцию, а с другой, дают разные известные люди: "Не обижайте его, он очень талантливый, он еще у вас погибнет, не дай Бог". А я, ничего не понимая, ни о чем не думая, как глухарь, писал стихи.

— **Что же это были за стихи?**

— В них не было ничего особенного. Я никогда не был специальным диссидентом, я писал вообще — про добро, про зло, про глобальные какие-то вещи. Но начальники в злодеях всегда унавали себя. И, например, когда я приехал служить на флот, то вслед за мной из ялтинского КГБ поступил запрос в мурманский КГБ — и там захотели со мной поговорить.

— **По поводу?**

— По поводу, например, моих стихов, которые назывались "Декабристы". Они начинались так:

**Гнев отчизны и слеп,
и неистов,
Отрезвенье приходит потом.
Но и я бы казнил
декабристов,**

Если б был я российским царем.

Потому что на каждое поле

Есть гора, что не сдвинется

с плеч,

Потому что такая уж доля

У царя — свое царство

беречь.

Ну и т.д. И это вызывало недоумение: что же он имел в виду, какой здесь подтекст? К чему это он призывает? А я просто писал то, что мне в голову приходило.

— **Это была ваша первая встреча с КГБ?**

— Нет, в ялтинский КГБ меня вызывали еще из школы. Приехала машина после уроков, посадили, привезли — хотя там можно было бы пешком дойти. Был там такой майор Матвеев — он потом спился, был выгнан из КГБ, слонялся по Ялте в пьяном виде. А тогда он занимался интеллигентней ялтинской, и когда узнал, что такой вот мальчишка выступает в поэтических кафе — а это тогда было модно и еще не запрещено, — решил со мной побеседовать. Тем более он знал, что я общаюсь с приезжающими в Ялту известными людьми, и в связи с этим тоже чего-то от меня хотел, как я уже потом понял. Стал мне говорить, как хорошо я поступаю. И после часа совершенно бессмысленных разговоров вздохнул и заставил меня написать бумажку, что я буду учиться на 4 и 5. Потом я долго думал: может, им нужен мой почерк, моя подпись? Но это они могли бы взять и в школе. И только позднее я понял, что он был просто дурак, этот майор. Вот это, кстати, наша беда: мы иногда думаем, что они все злодеи, а они просто чудачки на букву М.

— **Итак, книжка у вас вышла только через пять лет после дембеля...**

— Это уже были ошметки от книги, и многие стихи там были как бы исправлены. После ее выхода я не опубликовал ни одной своей поэтической строчки.

— **Но в Литинститут поступали как поэт.**

— Еще до ухода в армию меня познакомили с его ректором Пименовым. Я еще был школьником. Мы побеседовали, и мне не понравилось то, что говорил Пименов и как он говорил. И я ему сказал, что вообще не понимаю, как человек, который так рассуждает, может быть ректором Литинститута. После чего, закончив школу, тем не менее наивно послал свои стихи туда на конкурс. И получил отказ. После армии снова подал туда на конкурс и прошел его. Сложилась интересная ситуация, меня рекомендовал целый ряд известных людей, кроме того, я был в матросской форме — приехал-то в Москву прямо с флота. И Пименову было не так-то просто мне отказать: получился бы скандал.

— **По личным мотивам.**

— Нет, как выяснилось, ко мне

он относился совсем неплохо. Вызвал к себе и сказал, что не может взять меня на очное отделение, потому что я устрою ему массу неприятностей. Но я бы, говорит, взял тебя на заочную драматургию, если бы ты писал пьесы. Я ему: "А когда надо?" Оказывается, дня три осталось. Хорошо, говорю. Пошел в кафе "Лири" и написал в срок какую-то пьесу. Учился я там потом лет 12...

— **То есть в пору поступления в институт произошло известное крушение иллюзий молодого поэта?**

— Я ведь был воспитан так — считал, что хочу, то и могу говорить. Но к выходу из армии уже понимал, что так делать не надо — это плохо кончится. И нужно уже играть, воевать, хитрить. И для того, чтобы донести свою мысль до читателя, нужно предпринимать целый ряд сложных усилий. Но не понимал еще того, что так можно потерять все — перестать быть самим собой.

— **Сейчас тоже вполне возможен перелом к более мрачным временам. И нынешние молодые ребята, выросшие в пору свободного слова, могут столкнуться с аналогичными проблемами. Причем возведенными в куб.**

— Да, все-таки в мои времена почти не убивали, а может быть гораздо хуже.

— **А когда вы в свое время обратились к детской литературе — считали, что идете на некий компромисс?**

— Да, конечно. Я понял, что не могу прожить, публикуя свои "взрослые" стихи. У нас ведь было две темы в поэзии: про любовь и про партию — причем имела в виду любовь к партии. Значит, надо заниматься либо переводами, либо детской литературой. С языками у меня было не ахти, и я обратился к детской литературе, а уже в процессе понял, насколько это интересно. И насколько важно работать с аудиторией, которая совершенно искрена. Взрослые могут аплодировать модному, а детей нельзя обмануть. Если ребенку нравятся — он будет слушать, если нет — начнет звать. Кроме того, есть надежда: то, что ты делаешь, каким-то образом изменит твоего читателя, чего в работе со взрослыми достичь практически невозможно.

— **Ваши пьесы шли во многих театрах, но широко известность вы обрели после мультсериала про мартишку и ее дружков.**

— Как вам сказать. Я всегда говорил, что писатели делятся на две части. Есть такие: все знают их имена — и никто не знает, что они написали. У нас таких было огромное количество. А есть другие, никто не знает, как их зовут, но все знают, что они написали. А мультсериал "38 попугаев" сделан по моей первой детской книге 75-го года, которая называлась

"Как хорошо дарить подарки". Комитет по печати объявил ее идеологически невыверженной, редактора, который ее издал, наказали, мне просто перекрыли дорогу.

— **Ну у вас пенки были неслабые. Например: "А в попугах я длиннее".**

— В этой книге была фраза: "Однажды с Африкой случился ремонт". И они написали, что я имел в виду Анголу, потому что у нас тогда с ней были проблемы. Оказалось, что тут тоже не спастись от цензуры — и книжки у меня по-настоящему начали выходить только после 91-го года. Эти несчастные редакторы: с одной стороны, получалось, что их руками калечились книги, а с другой — именно им, рискуя, удавалось хоть что-то донести до читателя. И я всегда кричал: отойдите в сторону, дайте мне этих чиновников, которые наверху, я умел с ними драться, умел их побеждать. Для этого чиновника нужно было отделить от системы и бороться с ним лично, и ни один тогда не мог устоять.

— **Приходилось быть немножко сутягой?**

— Это не то слово — сутягой. Просто не знаю кем — скандалистым, передергивающим, нечестным, делающим вид, что не понимает простых вещей. Был у меня фильм "Куда идет слоненок". Там попугай ходил туда-сюда и размышлял, а мартишка бежала за ним и спрашивала: "Куда идем — туда?" А он в это время поворачивался. Мартишка: "Так куда же идем, куда идем?" И попугай говорил, "Да: куда идем — вот в чем вопрос!" И этот фильм хотели прикритить. Я приезжал в Комитет по кинематографии, ходил по кабинетам и говорил, некажките мне того человека, у которого возникли ассоциации по фильму. Кто считает, что наша страна идет не туда? Покажите его! И фильм вышел, потому что не нашелся тот человек. Чиновники ведь работали, как партизаны, не оставляли документов, все по телефону решалось.

— **Но больше вы любите общаться с детьми, по-моему.**

— Конечно. Они очень умные на самом деле. У них опыта мало — зато ум чист от стереотипов, поэтому они выдают совершенно неожиданные вещи, которые приводят логические ловушки. И когда ребенок в моем совете видит, к чему приводит цинизм, то, посмеявшись над этим, он уже всерьез по такой дорожке не пойдет.

— **А вам не говорили, что вы плодите циников своими "Вредными советами"?**

— Говорили, разумеется, но я с этим в корне не согласен. Я, наоборот, защищаю детей от цинизма, потому что показываю им, к чему приводят логические ловушки. И когда ребенок в моем совете видит, к чему приводит цинизм, то, посмеявшись над этим, он уже всерьез по такой дорожке не пойдет.

— **Ваша фамилия — Остер, но в народе ее произносят через "ё" — Остёр...**

— Я не обижаюсь. Когда в 70-х были мои первые публикации в "Веселых картинках", почему-то так получилось, что начали ставить две точки. А я постеснялся, не сказал, что это неправильно. Так и пошло. Тем более в школе меня так дразили. Но я думаю, что это несущественно.

— **Но заслуженно.**

— **Фото**

Игоря ИВАНДИКОВА.

Вез клуб — 1996 — 24 февр — е.в.

В КГБ меня обязали учиться на 4 и 5